

УДК 81'342.9
UDC 81'342.9

Пиотровская Лариса Александровна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Larisa A. Piotrovskaya
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: larisa11799@yandex.ru

**ИНТОНАЦИЯ ТЕКСТА И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
TEXT INTONATION AND LANGUAGE BEHAVIOUR:
THE PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS**

Аннотация

В статье предлагается анализ интонационного оформления текста в процессах порождения и восприятия речи. Основой психолингвистического подхода является теория Н. И. Жинкина, который ввёл понятия внутреннего текста и текстового смысла. Рассматривается роль синтагматического членения фраз, структуры мелодического и темпорального контура, а также акцентного выделения. В процессе порождения устной речи говорящий выбирает интонационное оформление, адекватное смыслу не только внешнего, но и внутреннего текста. Неадекватное интонационное выражение текстового смысла говорящим может создать существенные помехи в процессе восприятия устной речи.

Abstract

The paper is devoted to the analysis of text intonation during speech production and speech perception. The background of psycholinguistic approach is N. Zhinkin's theory, specifically the notions of internal text and text sense. The role of sense-group segmentation, structure of pitch pattern, temporal pattern and specific type of phrasal stress, that is stress shift, are examined in the current paper. The speaker chooses intonation arrangement of text sense during oral speech production that must be adequate not only to external text but to internal text as well. Inadequate intonation arrangement of text sense might create considerable difficulties in the process of oral speech perception.

Ключевые слова: интонация, смысл текста, синтагматическое членение, мелодика, темп, акцентное выделение.

Keywords: intonation, text sense, sense-group segmentation, speech melody, speech tempo, stress shift.

1. Интонация высказывания vs интонация текста

Рассмотрение роли интонации в речевой деятельности предполагает, на наш взгляд, во-первых, обоснование положения о том, что интонация связана именно с текстом, а не с изолированным предложением-высказыванием; во-вторых, исследование роли интонации в процессах порождения и восприятия речи в тесной связи с категорией смысла текста.

Основы изучения интонации во взаимосвязи с речевой деятельностью были заложены Л. В. Щербой в его теории синтагмы. Из определения синтагмы как «фонетического единства, выражающего единое смысловое целое в процессе речи-мысли» [Щерба, 1963, с. 8], следуют два вывода. Во-первых, устная речь не может быть интонационно не оформленной, поэтому определённый смысл выражается просодическими средствами говорящим и декодируется слушающим. Во-вторых, говоря о речевой деятельности, корректнее было бы использовать словосочетание «речемыслительная деятельность».

Цель речемыслительной деятельности говорящего и слушающего обусловлена природой речевого общения, которое, по словам Л. С. Выготского, «основано на разумном понимании и на намеренной передаче мысли и переживаний» [Выготский, 1996, с. 16]. Следовательно, цель говорящего – сделать свои мысли, чувства и волеизъявления достоянием сознания другого человека, а цель слушающего – по возможности адекватно понять их.

Важным считаем вопрос о том, что является основой интонационного оформления речи – предложение-высказывание или текст. В работах интонологов наряду с синтагмой называется предложение-высказывание, то есть минимальная коммуникативная единица. Не отрицая, что интонация делает некий отрезок внешней речи высказыванием, обращаем внимание на ключевое положение в концепции Л. В. Щербы: «Именно ситуативность интонационно-смысловой единицы, её гибкость, минимальность для данного контекста и данной ситуации <...> – революционный момент в теории синтагмы Л. В. Щербы» [Светозарова, 1982, с. 26–27]. Из неразрывной связи синтагмы с контекстом и ситуацией следует вывод, что и синтагма, и предложение-высказывание приобретают смысл только в тексте.

Разные лингвисты обосновывали это положение при обсуждении различных вопросов. В. В. Виноградов обращал на это внимание, выявляя природу вариантного синтагматического членения: «Если взять одно какое-либо предложение, вырванное из контекста, то по отношению к нему можно лишь экспериментально, так сказать, ставить вопрос: как оно может быть расчленено на синтагмы в зависимости от своей семантики, от своего социального назначения и своего осмысления; какие значения и оттенки значений в этом предложении связываются с тем или иным возможным его синтагматическим членением» [Виноградов, 1950, с. 248]. Иными словами, так как синтагма представляет собой минимальную интонационно-смысловую единицу, то просодическое выражение смысла высказывания осуществляется в пределах более крупного целого, чем предложение. В отечественной интонологии это положение последовательно отстаивает Т. М. Николаева: «Будучи даже изолированным, высказывание входит – в своём актуальном воплощении – в некий законченный коммуникативный комплекс – текст» [Николаева, 1977, с. 29]. В. А. Звегинцев делает этот же вывод при обсуждении теоретического вопроса о сущности предложения как единицы языка и речи. Поскольку «речевое» предложение, извлечённое из текста, теряет смысл, В. А. Звегинцев называет его «псевдопредложением», имеющим «псевдосмысл» [Звегинцев, 2001, с. 193].

Итак, **положение о зависимости смысла высказывания от текста** является для нас принципиальным. Ответ на вопрос, что именно следует понимать под текстом, связан с определением специфики категории смысла в сравнении с категорией значения. Разграничение понятий «значение» и «смысл», на котором настаивают многие лингвисты и психологи (напр., А. В. Бондарко, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, В. Б. Касевич, С. Д. Кацнельсон, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев и др.), связано с идеей стратификации семантики в аспекте соотношения языковых и мыслительных категорий: значение определяется как объективная категория, отражающая социально закреплённое содержание конвенциональных языковых знаков, а смысл («речевой смысл», «субъективный смысл», «личностный смысл») – как субъективная категория, характеризующая значимость соответствующего объекта (фрагмента) действительности в деятельности субъекта.

Смысловая несамостоятельность отдельного предложения-высказывания обусловлена тем, что смысл возникает только в процессе установления смысловых связей между различными компонентами, лишь часть которых выражается вербально.

Н. И. Жинкин вскрывает природу смысловых связей с позиций теории универсально-предметного кода. Механизм коммуникации предполагает «перспективу развития мысли»: «...в тексте не только содержится то, что сказано в данный момент, но и должно учитываться то, что было сказано раньше, и предполагается то, о чём следует сказать в дальнейшем. Это и есть операция УПК [универсально-предметного кода. – Л. П.], которая не применима к отдельно взятому предложению, а ведёт к раскрытию текста вперёд и назад до бесконечности» [Жинкин, 1982, с. 94]. Связь внешней и внутренней речи объясняет следующий вывод: «Всякое грамматически правильное предложение содержит смысловые связи. Больше того, нельзя намеренно составить такое грамматически правильное предложение, в котором не было бы смысловых связей» [Жинкин, 1982, с. 100]. Смысл, таким образом, как мыслительная категория, отражая процессуальный характер речемыслительной деятельности говорящего и слушающего, и обеспечивает «перспективу развития мысли».

Из сказанного следует вывод о том, что как выражение смысла в процессе порождения речи, так и понимание смысла в процессе восприятия речи требует «выхода» за рамки внешнего текста, поскольку смысл формируется при погружении внешнего текста в более широкий контекст, который Н. И. Жинкин называет внутренним текстом: «Внутренним текстом можно назвать внутреннюю речь, задумывающую высказывание, или догадку о том, что задумал партнёр» [Жинкин, 1982, с. 109–110]. Иначе говоря, смысл возникает при установлении связей минимум двух высказываний, одно из которых не всегда выражено во внешней речи, но с необходимостью учитывается и говорящим, и слушающим.

Таким образом, изучение когнитивной категории смысла предполагает более широкое понимание текста по сравнению с тем, которое сложилось в лингвистике текста. Вычленение относительно самостоятельных

сверхфразовых единств (ССЦ) основано, прежде всего, на внешних связях с учётом связей внутренних, смысловых. Поэтому под текстом понимается отрезок внешней речи, больший, чем предложение, а основной проблематикой лингвистики текста является изучение «грамматики текста», то есть категории связности текста. Если же учитывать и вторую категорию текста – цельность, связанную с понятием смысла текста, то её специфика требует учёта и внешнего, и внутреннего текста. При этом размеры внешнего текста не являются определяющими, поскольку **любой внешний текст всегда является лишь частью внутреннего текста**, а мыслительная составляющая процессов порождения и восприятия речи состоит в актуализации соответствующих смысловых связей.

Н. И. Жинкин вводит понятие **текстового смысла**: «Текстовый смысл – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берётся следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений» [Жинкин, 1982, с. 84–85]. Н. И. Жинкин также подчёркивает, что положение о текстовом смысле остаётся в силе и тогда, когда во внешней речи имеет место однословное высказывание: «В речи, обращаясь к партнёру, мы предполагаем, что он поймёт наше обращение без специальных разъяснений, если эти предложения очевидны из наличной обстановки общения или из ранее бывших высказываний» [Жинкин, 1982, с. 88].

Таким образом, текстовый смысл формируется в результате работы интеллекта, интегрирующего в единое смысловое целое некоторую долю внешнего и внутреннего текста; для текста, представляющего собой последовательность предложений, значим и внешний, и внутренний текст; для текста, равного одному предложению, это лишь внутренний текст.

Н. И. Жинкин рассматривает проблему смысла текста в органическом единстве с его интонационным оформлением: «Интонация возникает в самом процессе коммуникации, то есть в тексте, а не в предложении. Нельзя заранее предсказать, какой будет интонация данного предложения. Вот почему акустические записи отдельных предложений, иногда рекомендуемые при обучении иностранному языку, недостоверны» [Жинкин, 1982, с. 110]. Данное положение не противоречит статусу интонации как языкового явления, поскольку речь идёт о выборе говорящим в процессе порождения речи интонационного оформления внешней речи, адекватного текстовому смыслу: «Интонация связывает текстовые компоненты в единый динамический поток, который образует устойчивое равновесие в процессе разговорной [имеется в виду «устной». – Л. П.] коммуникации» [Жинкин, 1982, с. 110]. Более того, Т. М. Николаева, доказывая, что интонационный уровень обладает своими формальными и смысловыми единицами, подчёркивает, что фразовая интонация может исследоваться только в рамках грамматики текста, которая «состоит из трёх компонентов: 1) содержательных текстовых категорий, 2) текстовых единиц, 3) текстовых средств» [Николаева, 1977, с. 30]; при этом среди «текстовых средств» интонации отводится ведущее место. Итак, интонация как составная часть грамматики текста выражает смысловые отношения между синтагмами и фразами.

Говоря об изучении интонационной составляющей процесса порождения речи, Т. М. Николаева отмечает, что описать последовательность процесса «язык – установки – средства – высказывание» и цикличность (рекурсивность) этого процесса» является задачей психолингвистики [Николаева, 1977, с. 29]. Поскольку Н. И. Жинкин рассматривает интонацию текста именно с этих позиций, теоретической основой обсуждения второго аспекта избранной проблемы является именно его концепция.

2. Психолингвистические основы исследования интонации текста

Исходя из положения о том, что **интонация возникает в процессе речемыслительной деятельности говорящего**, Н. И. Жинкин обращается к вопросу контроля интонационного оформления внешней речи: «Трудность регулировки интонации в просодии состоит в том, что говорящий, имея подготовленный замысел [текста. – Л. П.], должен интуитивно учесть двойственность управления и подчиниться только смысловому замыслу, а не автоматической динамике произносительных навыков» [Жинкин, 1982, с. 90].

Данное положение коррелирует с системой уровней осознаваемости, разработанной А. Н. Леонтьевым на основе схемы неврологических уровней, предложенной Н. А. Бернштейном, и дополненной А. А. Леонтьевым [Леонтьев, 1965, с. 123 и сл.]: актуальное сознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознанность. Каждому из этих уровней соответствует своя психолингвистическая единица – соответственно предложение-высказывание, в аспекте смысловой связности; «слово-квант» как семантическая (в понимании Л. С. Выготского) единица; «фазическое слово» (также в понимании Л. С. Выготского) и слог как минимальная произносительная единица. То, что Н. И. Жинкин определяет как «автоматическую динамику произносительных навыков», и есть низший уровень – уровень неосознанности. Операции, осуществляемые в процессе порождения речи на данном уровне, – это элементарные речедвижения и системы, обеспечивающие динамику речи, в частности регулировку дыхания. Дыхание, регулируемое автоматически, физиологическое; в процессе же порождения речи синтагматическое членение устной речи должно регулироваться речевым дыханием. Поскольку смысл порождаемого текста актуально сознается, то **«регулировка» интонации в процессе порождения устной речи также должна находиться на высшем уровне осознаваемости** (следует иметь в виду смысл предложения-высказывания как неотъемлемой части внутреннего и внешнего текста). Таким образом, «двойственность управления» в процессе регулировки интонации обусловлена несоответствием между физиологическим и речевым дыханием.

Речевое дыхание определяет деление устной речи на синтагмы, поэтому размер синтагм и интонационное оформление каждой синтагмы зависит от текстового смысла, от перспективы развития мысли. Задача говорящего – выбрать такое интонационное оформление своей речи, которое позволит слушающему адекватно понять текстовый смысл.

Перейдём к анализу некоторых аспектов интонационного оформления внешней речи, значимых с точки зрения выражения текстового смысла.

3. Степень дробности синтагматического членения

В процессе восприятия устной речи слушающий в некоторой степени является «заложником говорящего», который задаёт смысловое квантование внешней речи. Это не умаляет активного характера процесса восприятия речи – формирования текстового смысла. Однако если устная речь говорящего расчленена на синтагмы неадекватно, процесс формирования текстового смысла по объективным причинам затруднён; текстовый смысл может быть понят слушающим, но это потребует от него переструктурирования внешней речи. Главным условием осмысленного синтагматического членения речи говорящим является, на наш взгляд, наличие целостного замысла текста и его расчленённость на «смысловые блоки». Неадекватное синтагматическое членение внешней речи говорящим может быть следствием незавершённости процесса расчленения общего замысла текста или сбоя на этапе контроля.

С точки зрения процесса восприятия речи изложенное понимание роли синтагматического членения речи коррелирует с механизмом смыслового восприятия высказывания, описанным И. А. Зимней [Зимняя, 1976]: понимание смысла высказывания начинается с отождествления слова, после чего принимается решение о смысловом звене, затем – о связях между смысловыми звеньями, наконец, происходит «смыслоформулирование». Думается, что решение о смысловом звене в большой степени предопределяется синтагматическим членением внешней речи говорящим, поскольку понятие смыслового звена соответствует понятию синтагмы как минимального смыслового целого. При выделении смыслового звена (точнее, при объединении той или иной последовательности слов в одно смысловое звено) слушающий опирается на все фонетические признаки синтагмы: единство мелодического, динамического и темпорального контуров. Напомним, что функция синтагматического ударения, располагающегося обычно на последнем слове синтагмы, как об этом писал Л. В. Щерба, состоит в объединении определённой последовательности слов в одну синтагму, поэтому можно говорить и о делимитативной его функции.

Неадекватное выделение смысловых звеньев в процессе смыслового восприятия речевого сообщения, на наш взгляд, не всегда свидетельствует о сбое в смысловом восприятии, так как оно может быть вызвано синтагматическим членением речи говорящего.

4. Мелодический контур и смысл текста

Другая причина, которая может привести к затруднениям в выделении смысловых звеньев, связана со структурой мелодического контура синтагмы.

Сложная структура мелодического контура синтагмы обусловлена наличием не только общего направления мелодической кривой (повышение / понижение тона / относительно ровный тон), но и другими составляющими, незначимыми для смысла: флюктуациями, отличающими естественную речь от синтезированной, и незначительными изменениями частоты основного тона на отдельных фонетических словах [Светозарова,

1982, с. 37 и сл.]. Если же последние изменения станут более выраженными, это может привести к разрушению мелодического контура, вследствие чего слушающий не сможет определить, какая последовательность слов выражает единое смысловое целое.

Роль мелодики в выражении различных смысловых отношений описана в работах интонологов достаточно полно. Прежде всего, речь идёт об отношениях незавершённости / завершённости, связности / несвязности, выражаемых соответственно повышением / понижением тона. Т. М. Николаева считает мелодику «наиболее “синтаксическим” компонентом интонации, ориентированным на демонстрацию связности высказываний в пределах коммуникативного акта» [Николаева, 1977, с. 14]. На материале сложного предложения она доказала, что мелодика играет ведущую роль в выражении таких смысловых отношений, как сопоставление, противопоставление, смысловое равновесие, пояснение, следствие и других [Николаева, 1979].

Ярким подтверждением того, что выбор повышения / понижения тона непосредственно связан с категорией текстового смысла, является неадекватное сочетание мелодических контуров в составе многосинтагменной фразы и текста в целом при ответе студента на экзамене по «списанному» вопросу. Это обусловлено тем, что вербальное выражение получают «чужие мысли», не ставшие достоянием сознания говорящего; при механическом воспроизводстве речи отсутствует мыслительная составляющая.

В естественном процессе порождения речи отношения смысловой связности, по нашим наблюдениям, по-разному выражаются в монологической и диалогической речи.

Смысловая связность в монологической речи выражается не только разными типами повышения тона, но и особой разновидностью понижения тона, называемого неглубоким, которое выражает относительную смысловую завершённость.

Уточним понятие относительной смысловой завершённости с опорой на понятие текстового смысла. Н. И. Жинкин ввёл понятие замысла целого текста и представил процесс порождения текста как развёртывание текстового смысла в виде иерархии подтем и субподтем. Это позволяет сделать вывод, что неглубокое понижение тона в конце предложения-высказывания является показателем более тесных смысловых связей между отдельными предложениями-высказываниями, выражающими одну подтему / субподтему. Поэтому выбор говорящим неглубокого понижения тона выполняет функцию объединения того фрагмента внешнего текста, который развёртывается между «обрамляющими» его двумя глубокими понижениями тона (ср. понятие фонетического абзаца). В процессе же восприятия устной речи слушающий интерпретирует неглубокое понижение тона как «запрет» на переход к фазе «смыслоформулирования». Количество предложений-высказываний между двумя глубокими понижениями не должно превышать объём оперативной памяти человека (7 ± 2). В противном случае слушающий не сможет удержать в оперативной памяти чрезмерно большое количество смысловых блоков, которые на фазе «смыслоформулирования» должны быть переведены во внутреннюю про-

грамму (и говорящий должен удерживать в оперативной памяти соответствующий объём информации).

В диалогической речи, представляющей собой постоянную смену реплик разных участников, смысловые отношения могут выражаться выбором повышения тона вместо понижения. Такая роль мелодического контура не получила освещения, поскольку фонетисты, как правило, анализируют многосинтагменные фразы либо протяжённые отрезки внешнего текста. Мы же имеем в виду внешний текст, равный односинтагменной фразе. Данный тип фраз регулярно используется в качестве этикетных формул.

Приветствие *Здравствуйте!* / *Добрый день!*, произнесённое с восходяще-нисходящим тоном (ИК-4 или ИК-6 по классификации Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика, 1980, с. 96–122]), а не с нисходящим (ИК-2а), может выполнять две функции. В одном случае повышение тона в грамматически завершённом невопросительном предложении выражает ожидание ответной реплики, то есть включённость во внешний диалогический текст. Если же второй участник диалогической речи в ответном приветствии использует понижение тона, это будет означать завершённость акта коммуникации. По нашим наблюдениям, именно такое интонационное оформление является социально закреплённым в ситуации приветствия незнакомых людей, встретившихся, например, в лифте. В другом случае реализация приветствия с повышением тона может интерпретироваться слушающим как знак того, что не происходит смены ролей участников диалогической речи и что человек, вступивший в общение первым, использует приветствие в функции обращения (напр., *Здравствуйте! Что нового?*); это используется при встрече хорошо знакомых людей, регулярно общающихся, например, на работе.

Таким образом, повышение тона вместо понижения тона в приветствиях выполняет контактоустанавливающую функцию.

5. Темпоральный контур и смысл текста

Характеризуя смысловую значимость темпорального контура, составной частью которого являются темп и паузы, фонетисты выделяют разные их функции: темп выражает различие более важного / менее важного; паузы, в сочетании с определёнными мелодическими контурами двух смежных синтагм, – степень смысловой связи соседних сегментов (слабая, средняя, тесная), а также смысловые отношения следствия, результата, перечисления и некоторые другие [Николаева, 1977; Светозарова, 1982 и др.]. Остановимся на особой функции темпоральной организации текста, выделенной Т. М. Николаевой, – «показателе абсолютной законченности» [Николаева, 1977, с. 7–8].

Речь идёт об отделении последнего слова фразы. Иллюстрируя данное явление, Т. М. Николаева приводит следующие примеры: *И мангуста шлёпнулась / об пол; А от банана остались на полу одни / шкурки*. Как свидетельствуют её примеры и результаты нашего слухового анализа информационных

программ, тип синтаксических связей между разделяемыми паузой словами не значим. Объясняя природу данного явления, Т. М. Николаева заключает: «...это интонационное выделение последнего слова фразы не есть факт синтаксический, а результат особой установки говорящего на восприятие слушателя, стимулирование его внимания» [Николаева, 1977, с. 8].

Позволим себе уточнить функцию отделения последнего слова с учётом понятий внешнего и внутреннего текста. Абсолютная смысловая завершённость определённого отрезка внешней речи обусловлена несовпадением границ внешнего и внутреннего текста: в одном внешнем тексте объединены достаточно разнородные в тематическом отношении фрагменты, «погружённые» в разные внутренние тексты. Отделение последнего слова, на наш взгляд, может быть результатом резкого замедления темпа в конце повествовательного высказывания, граница которого совпадает с границей внутреннего текста. Оснований для такой интерпретации два. Во-первых, как свидетельствует проведённый нами слуховой анализ, на месте такой паузы не происходит перепада мелодической и динамической кривой, следовательно, нет и синтагматического членения. Во-вторых, к концу повествовательного высказывания темп замедляется [Николаева, 1977; Светозарова, 1982]; в случае же резкого замедления темпа в самом конце фразы возникает лишь эффект отделения последнего слова. Таким образом, особое замедление темпа в конце предложения-высказывания, на наш взгляд, выполняет функцию членения внешнего текста, фрагменты которого являются частью разных внутренних текстов. Для слушающего резкое замедление темпа выражает «запрет» на «перспективу развития мысли».

6. Акцентное выделение

В завершение охарактеризуем смысловую значимость особого типа ударения, названного Т. М. Николаевой акцентным выделением [Николаева, 1982]. Акцентное выделение создаёт вокруг высказывания «коммуникативно-текстовый ореол», существенно обогащая тем самым смысл высказывания: «...основное свойство акцентного выделения – выводить данное высказывание в более широкую прагматическую сферу, сообщать информацию, дополнительную к той, которая непосредственно в этом высказывании содержится. <...> Так, за фразой с акцентным выделением – *Только он не вернулся* – стоит “тень” *Остальные вернулись*, совсем необязательно присутствующая в контексте» [Николаева, 1982, с. 15]. Т. М. Николаева убедительно доказала, что акцентное выделение принципиально отличается от фразового ударения, и определила его природу как коммуникативно-текстового явления: «...акцентное выделение имеет место в том случае, когда смысловая зона передаваемого текста оказывается шире высказывания с акцентным выделением и / или сообщаемое выходит за рамки некоторой усреднённой нормы» [Николаева, 1982, с. 52]. Таким образом, использование акцентного выделения позволяет говорящему более экономно выражать более богатый смысл, используя вместо слов интонационные средства.

Т. М. Николаева выделяет два основных вида смысловой нагрузки акцентного выделения:

1) выражение идеи контраста, например: *Приходите завтра!* (а не послезавтра);

2) значение 'именно', то есть подчёркивание смысла определённого слова без явного или скрытого противопоставления, например: *Ключи не забудь*.

Результаты проведённого нами слухового анализа подготовленной монологической речи (доклад на конференции, лекция, информационные программы) позволяют дополнить анализ данного типа ударения как текстового явления. По нашим данным, акцентное выделение регулярно реализуется в первой синтагме фразы, начинающей сверхфразовое единство (т.е. отрезок внешней речи, выражающий одну тему / субтему): *Выделяются варианты образно-поэтической перцептивности, / о которых и пойдёт речь далее; В Иерусалиме в последние дни / вновь резко обострилась обстановка* (косая линия обозначает границу между синтагмами; одной линией подчёркнуто слово, на которое падает синтагматическое или фразовое ударение, двумя линиями – слово с акцентным выделением).

На наш взгляд, акцентное выделение в подобных случаях используется как маркер «предметной области текста». Это понятие мы заимствуем у Н. И. Жинкина, который подчёркивал, что текстовый смысл возникает только тогда, когда содержание высказывания соотносится с определённой предметной областью. Совпадение предметной области обеспечивает адекватное понимание слушающим мыслительного содержания, выраженного говорящим, при этом предметная область должна быть непременно погружена во внутренний текст. Именно наличие предметной области высказывания, подчёркивает Н. И. Жинкин, обеспечивает перспективу развития мысли. Поэтому по функции акцентное выделение сопоставимо с «именительным темой». Под темой в данном случае понимается смысловой компонент, который во внутренней программе занимает вершинную позицию.

Возможно, однако, и иное место акцентного выделения в составе сверхфразового единства – в последнем предложении-высказывании. В этом случае место выделенного слова в составе той или иной синтагмы не является релевантным: *Железнодорожники поставили перед собой задачу / сократить время движения от Петербурга до Москвы / до 3 часов 40 минут*. В этом случае говорящий «помогает» слушающему построить адекватную иерархическую структуру смысловых блоков на этапе смыслоформулирования.

Место акцентного выделения в двух названных позициях характерно для устной подготовленной монологической речи, что свидетельствует о намеренном его использовании говорящим для управления процессом понимания текстового смысла слушающим.

В устной спонтанной монологической речи место акцентного выделения может быть разным, что обусловлено спецификой спонтанной речи. Приведём пример, записанный во время свободной дискуссии на научной конференции, в котором выделяется слово, входящее в состав вставной конструкции: *То, что Вы сказали, Александр Юрьевич / (я имею в виду цыганский язык), / в принципе не противоречит теории языковых контактов, / предложенной Мэйерс-Скоттон*. Выделение слова *цыганский* вызвано тем, что, начав отвечать на вопрос, в котором шла речь о

двух языках, говорящий осознал, что он не обозначил «предметную область» текста, что могло привести к неадекватному пониманию. Этот же пример иллюстрирует возможность нескольких акцентных выделений в одной фразе, на что указывала Т. М. Николаева, однако природа этого явления осталась нераскрытой. Думается, что наличие нескольких акцентных выделений в одной фразе свидетельствует о её политематичности, если под темой текста понимать предметную область.

7. Выводы

Подводя итог, подчеркнём следующее. Информацию, передаваемую в речевом общении, корректно определять через понятие смысла, природа которого состоит в установлении связей отдельного высказывания с текстом. Любой внешний текст является частью внутреннего текста, смысл которого связан с определённой предметной областью, обеспечивающей разворачивание внутреннего текста вперёд и назад.

Кроме того, анализ роли интонации в процессах порождения и восприятия речи должен базироваться на положении об актуальном сознании интонационного оформления речи говорящим. В процессе порождения устной речи говорящий сознательно (на уровне актуального сознания) выбирает интонационное оформление, адекватное смыслу не только внешнего, но и внутреннего текста.

Активный характер процесса восприятия речи предполагает такую речемыслительную деятельность слушающего, результатом которой будет адекватное понимание текстового смысла, выраженного говорящим. При восприятии устной речи речемыслительная деятельность слушающего в значительной степени «направляется» с помощью просодических характеристик внешней речи говорящего, включающих все основные компоненты интонации – мелодику, темп, паузы, интенсивность, а также синтагматическое членение. Неадекватное просодическое выражение смысла говорящим может создавать существенные помехи в механизме речевой коммуникации.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Понятие синтагмы в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В. В. Виноградова. – М. : Учпедгиз РСФСР, 1950. – С. 183–256.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1996. – 416 с. – (Сер. «Философия риторики и риторика философии».)
3. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 158 с.
4. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В. А. Звегинцев. – Изд. 2-е, стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
5. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения [Текст] / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. А. А. Леонтьев, Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1976. – С. 5–33.

6. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1965. – 246 с.
7. Николаева, Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках: опыт экспериментального исследования [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1969. – 286 с.
8. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1977. – 278 с.
9. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения [Текст] / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1982. – 103 с.
10. Русская грамматика [Текст] / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
11. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 175 с.
12. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Высшая школа, 1963. – 380 с.

References

1. Vinogradov, V. V. Ponjatie sintagmy v russkom jazyke [Tekst] / V. V. Vinogradov // Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo jazyka / pod red. V. V. Vinogradova. – М. : Uchpedgiz RSFSR, 1950. – S. 183–256.
2. Vygotskij, L. S. Myshlenie i rech'. Psihologicheskie issledovanija [Tekst] / L. S. Vygotskij. – М. : Labirint, 1996. – 416 s. – (Ser. «Filosofija ritoriki i ritorika filosofii».)
3. Zhinkin, N. I. Rech' kak provodnik informacii [Tekst] / N. I. Zhinkin. – М. : Nauka, 1982. – 158 s.
4. Zvegincev, V. A. Predlozhenie i ego otnoshenie k jazyku i rechi [Tekst] / V. A. Zvegincev. – Izd. 2-e, ster. – М. : Jeditorial URSS, 2001. – 312 s.
5. Zimnjaja, I. A. Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija [Tekst] / I. A. Zimnjaja // Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija (v uslovijah massovoj kommunikacii) / otv. red. A. A. Leont'ev, T. M. Dridze. – М. : Nauka, 1976. – S. 5–33.
6. Leont'ev, A. A. Slovo v rechevoj dejatel'nosti. Nekotorye problemy obshhej teorii rechevoj dejatel'nosti [Tekst] / A. A. Leont'ev. – М. : Nauka, 1965. – 246 s.
7. Nikolaeva, T. M. Intonacija slozhnogo predlozhenija v slavjanskih jazykah: opyt jeksperimental'nogo issledovanija [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – М. : Nauka, 1969. – 286 s.
8. Nikolaeva, T. M. Frazovaja intonacija slavjanskih jazykov [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – М. : Nauka, 1977. – 278 s.
9. Nikolaeva, T. M. Semantika akcentnogo vydelenija [Tekst] / T. M. Nikolaeva. – М. : Nauka, 1982. – 103 s.
10. Russkaja grammatika [Tekst] / gl. red. N. Ju. Shvedova. – М. : Nauka, 1980. – Т. 1. – 784 s.
11. Svetozarova, N. D. Intonacionnaja sistema russkogo jazyka [Tekst] / N. D. Svetozarova. – Л. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1982. – 175 s.
12. Shherba, L. V. Fonetika francuzskogo jazyka [Tekst] / L. V. Shherba. – М. : Vysshaja shkola, 1963. – 380 s.